

/ Роман БАГДАСАРОВ /

*Чингис
и два
Александра.*
В борьбе за образ
идеального
правителя Евразии

КОНФЛИКТ ПАМЯТИ

Испытывает ли европеец стыд из-за того, что пользуется латинскими буквами и словами греческого происхождения? Что границы его страны когда-то были намечены римской администрацией, а система права утверждена византийским императором? Морщится ли, когда слышит слова «василевс», «Александрия», «фаланга»? Пустые вопросы. Ответ, разумеется, отрицательный.

Всё это части европейской истории, имеющие к тому же общечеловеческое измерение. А имеют ли общецивилизационное значение слова «хан», «Сарай», «тумен»? И каково оно? Какое чувство испытывает носитель языка, не относящегося к семейству тюркских, когда ему указывают на тюркоязычное происхождение родных слов? Как относится к тому, что страна, где он проживает, возникла как улус Золотой Орды? Здесь не будет однозначного ответа. Перечисленные слова и понятия вызывают разные ассоциации у разных людей.

Скажем, житель Саха-Якутии в слове «улус» не обнаружит ничего необычного, для него это аналог муниципального района. А вот утверждение, что конгломерат русских княжеств в глазах великого хана считался улусом, у некоторых, пожалуй, вызовет отторжение. Последует оговорка, что это, мол, ничего не значит, что грянула потом битва на Куликовом, и Русь возродилась.

Одно «но». Русь не могла «возродиться», потому что как единое государственное образование начала существовать только в составе Орды. Орда создала восточную Московскую Русь. Западно-русские города не имели единого центра, а их административное устройство было гораздо ближе к Литве и Польше, чем к Рязани и Владимиру.

Налицо конфликт в ядре исторической памяти. Для одних Орда — основа государственного устройства, для других — «наследие, от которого мы отказываемся». Нечто запредельно мерзкое, как это показано в фильме «Орда» (2012), отмеченном множеством премий и сочувственных слов, несмотря на всю его антиисторичность. Те, кто снял эту претенциозную агитку, руководствовались инвективой: Орда — это «ад» русской истории, в котором по определению не может быть ничего хорошего, а если наше государство родом из Орды, то лучше бы его и не было совсем.

ПРЕДАСТ ЛИ РОССИЯ ЕВРАЗИЮ?

Дабы не погружаться в бесконечную дискуссию о цивилизационных приоритетах, различаю-

щихся для разных территорий и в разные эпохи, удобнее сузить обзор. То, как работает механизм самоотрицания для народов Восточной Евразии, прекрасно видно из сравнения образов двух завоевателей — Александра Македонского и Тэмуджина Чингисхана.

Один олицетворяет экспансию с запада на восток, второй — с востока на запад. Актуальность их противопоставления остра, отвечает злобе дня, более того, проецируется в неопределённое будущее.

Видимо, поэтому столкновение между Чингисханом и Александром стало центральной коллизией романа «Око времени» (2003) из трилогии «Одиссея времени», которую британский фантаст Артур Чарльз Кларк завершил незадолго до смерти в соавторстве со Стивеном Бакстером. Разнополярность цивилизационных икон доведена здесь до последней степени ясности.

Недобрые демиурги, Перворожждённые, приговорили Землю к уничтожению: человечество способно поколебать энергетический баланс Вселенной. Однако, будучи сверхрациональными, Перворождённые создают на всякий случай копию Земли — «Мир», за которым устанавливают пристальное наблюдение. Вторая Земля воспроизводит её не только в пространстве, но и во времени. «Мир» смонтирован из лоскутов разных эпох — ключей человеческого прошлого: от австралопитеков до 2037 года.

Таким образом, люди разных эпох оказываются совмещены на единой исторической арене. Правда, на десяток человек из XXI века приходится десятки тысяч представителей более ранних периодов. Оно и понятно: количество пропорционально знаниям и технологиям.

В подобной комбинации армия Александра обречена стать соперником туменов Чингиса. Предметом распри делается Вавилон («Врата богов»), где пребывает основной артефакт, через который поддерживается связь с Перворождёнными. Чингисхан видит в нём философский камень, который сделает его бессмертным, а Александр (внимание!) — разгадку того, почему произошёл разрыв времени. Уже в этом послые сказывается предвзятость авторов: Александр готов рискнуть всем ради общего прогресса, а Чингис — приземлённый эгоист. В настоящей истории всё несколько иначе: за походами Александра проступают интересы греческой торговой элиты, а Чингис исходил из этических побуждений (во многом иррациональных, по современным понятиям), насаждая номадические заповеди, собранные в Ясу.

Дальнейшее повествование всё более оттеняет нравственную высоту царя эллинов и варварство монгольского хана. «...Все мы уцелели после странных перемен в пространстве и времени, смысл которых вместить не в силах разум ни одного человека. Неужели нам больше нечем ответить на это, кроме как тем, что сойтись в битве и изрубить друг друга на куски? Неужели нам нечего друг у друга перенять, кроме того, как лучше ковать оружие и какую применять военную тактику?» — рассуждает Александр, снаряжая посольство к Чингису. Ну а тот, дело ясное, с этим посольством расправляется. Ведь этот Чингис — из фантастики, в то время как в исторической реальности именно послы Чингисхана регулярно становились жертвами правителей, к которым отправлялись.

Невзирая на идеологические передёргивания, сама битва между объединёнными во времени силами Запада и Востока выписана максимально достоверно. Чего стоит картина, где монгольская тулугма (окружение противника крыльями войска с разными тактическими задачами) разрезается тяжеловооружённой пехотой и всадниками-копьеносцами македонян.

Показательно то, как распределены представители разных времён и стран между противоборствующими силами. На стороне Александра оказывается британский гарнизон с афгано-пакистанской границы 1885 года вместе с приданными ему воинами-сипаями и экипаж миротворческого вертолёта ООН, состоящий из белого американского пилота, ассимилированной в третьем поколении британского офицера-индуски и второго пилота, пуштуна. Кстати, в гарнизоне оказывается молодой Редьярд Киплинг, кото-

рый сочиняет для Александра речь с цитатами из Шекспира. Их противником вместе с монголами и китайцами выступает американка из южных штатов (космонавт с корабля «Союз»), цинично принявшая сторону Чингисхана. Второй уцелевший космонавт — русского происхождения. Он не разделяет выбора американки и совершает покушение на завоевателя мира.

«Николай искренне считал, что монгольская экспансия по своей природе патологична. Это была отвратительная спираль позитивной обратной связи, рождённая бесспорным военным гением Чингисхана и раскалённая лёгкими завоеваниями. Потом эта чума безумия и разрушений распространилась по большей части ведомого людям мира. У русских были особые причины ненавидеть память о Чингисхане... В те страшные годы из страны навсегда было вырвано сердце.

— Это не повторится снова, — прошептал Коля».

В эту ситуацию заложен важный посыл: оказавшись естественными союзниками монголов (что соответствует действительности), русские обязаны возделеть их поражения. Они — слабое звено евроазиатской империи, на которое опирается британский колониальный мир во главе с Индией, чтобы противостоять Китаю и опять расколотым надвое Штатам. Собственно, данную миссию и пытаются периодически возлагать на Россию её геополитические доброхоты. А чтобы придать такой миссии легитимность, её красят пёстрыми мифологемами: идеализируют домонгольскую Русь, рассматривают этногенез русских исключительно со стороны оседлых народов, демонизируют монголов (или скопом тюркские и алтайские племена)...

К чести Кларка и Бакстера, следует заметить, что воспевание Александра имеет у них строго очерченные границы. Перейдя рубеж отведённых ему на Земле лет, в «Мире» Александр начинает всё более напоминать тамошнего Чингиса. Он создаёт чудовищный гибрид рабовладения с паропанком, грезит новыми походами и заплывами вплоть до Америки.

Жаль, что авторы не проводят обратной аналогии. Ведь в отличие от Александра, чьё акме осталось в молодости, Чингисхан с годами лишь наращивал свои достоинства правителя. Далеко не ясно, что представляла бы из себя его империя, успей он довершить её самолично.

ПОРАЖЕНИЕ ЧИНГИСХАНА

В романе Кларка и Бакстера Чингис сталкивается с Александром на фантастической планете

Александр победил Чингиса на поле искусства. Образ македонского царя, запечатлённый не только в письменных источниках, но и на многочисленных мозаиках и скульптурах, создал ему неотразимую ауру психологической убедительности. Черты Александра получили многократную репликацию в обе стороны на шкале времени: они сопоставлены с героями прошлого (Ахиллом), также визуализованными, и героями дальнейшей истории, которые использовали Александра как базис для конструирования собственного имиджа.

«Мир». Но в реальной памяти Земли их битва кипит уже давно. И монгольский хан пока в ней проигрывает.

Причины не в области его политики. О разрушительности монгольских завоеваний написано предостаточно. Но деструктивность Александра была как минимум не меньшей, неспроста в зороастрийских текстах его деятельность приравнена к деяниям Анхро-Манью. Даже греческие источники сохранили отчёты об этноцидах, которые македонский царь периодически проводил в Согдиане и других северо-восточных областях Персии, а также на подступах к Индии.

Дело не в демографии или образовании. Ведь именно благодаря транспортному каркасу и последовавшей исламизации тюрков внутри Орды началось масштабное освоение Сибири, плоды коего пожало пришедшее туда Московское царство.

На самом деле Александр победил Чингиса на поле искусства. Образ македонского царя, запечатлённый не только в письменных источниках, но и на многочисленных мозаиках и скульптурах, создал ему неотразимую ауру психологической убедительности. Черты Александра получили многократную репликацию в обе стороны на шкале времени: они сопоставлены с героями прошлого (Ахиллом), также визуализованными, и героями дальнейшей истории, которые использовали Александра как базис для конструирования собственного имиджа.

Чингис, напротив, выглядел уникальной фигурой в глазах современников, он не имел никаких аналогий в прошлом. Прижизненные наброски портрета Чингиса скрыты за толстым слоем китайской летописной пудры и песенного эпоса кочевников. Более-менее объективные источники (не принимать же за них тексты, составленные представителями Победённых) были опубликованы лишь во второй половине XIX века («Сокровенное сказание монголов», например). Собственно, с этого момента можно отсчитывать жизнь психологического образа Чингисхана, поскольку до того существовал только его символ.

Но когда это случилось, образ Александра просуществовал уже 23 века. Он стал хрестоматийным, едва ли не естественно присущим любому человеку, претендующему на звание цивилизованного. Чтобы «отвоевать» себе до-

стойное место во всемирной памяти, Чингисхану необходимо было наверстать упущенное. Надо ли уточнять, что этот процесс начался с России.

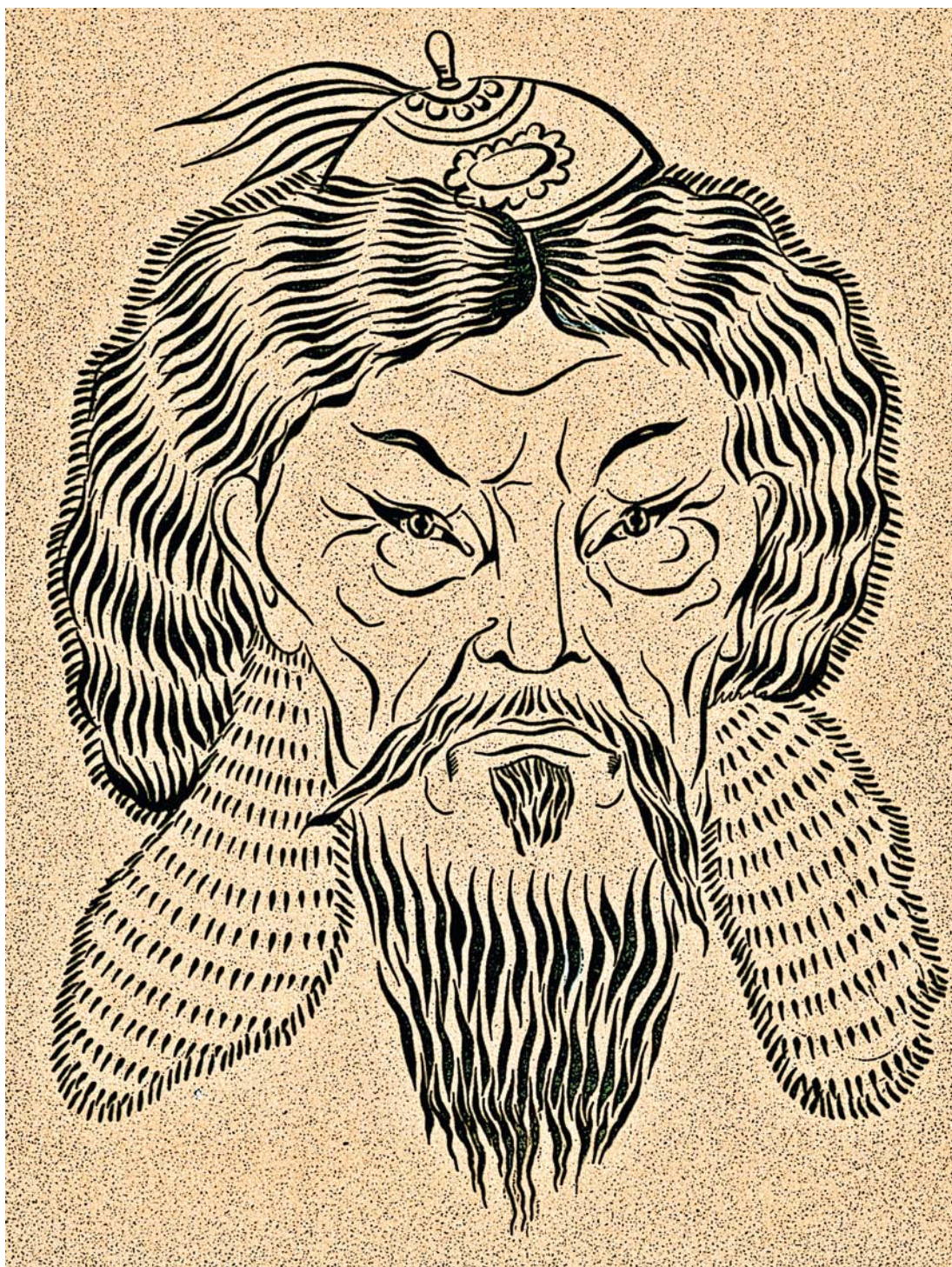
Именно российский синолог архимандрит Палладий (Кафаров) приобрёл и впервые опубликовал единственную рукопись «Сокровенного сказания монголов» (Юань-чао би-ши), где наиболее достоверно описаны коллизии биографии великого хана. После этого написание его психологического портрета стало делом времени.

ВОСКРЕШЕНИЕ ВЕЛИКОГО КАГАНА

Речь идёт о повести Василия Яна «Чингиз-хан» (1939)¹, где впервые воссоздан убедительный, хотя не бесспорный человеческий облик Чин-

¹ Название указано в соответствии с авторской волей. В современной транскрипции имя соответствующего исторического лица принято писать «Чингисхан».

гиса. Несмотря на тематические публикации, ряд обстоятельств, сопровождавших работу писателя над квадрологией², оставался до сих пор вне зоны внимания литературоведов.

В первую очередь это касается сотрудничества Яна (В.Г. Янчевецкого) с крупнейшим

художником-визионером советского периода Евгением Спасским. Они познакомились в 1919 году в Омске, когда Янчевецкий представлял свои художественные работы на футуристической выставке, где участвовал и Спасский. Затем Янчевецкий (будучи начальником

² Вслед за «Чингиз-ханом» был написан «Батый». Под давлением издателей Ян разделил третью часть «Александр Беспокойный и Золотая Орда» на две книги: «Юность Александра» и «К последнему морю».

осведомительного отделения особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего в Омске) устроил молодого художника к себе в редакцию фронтовой газеты. Этим он фактически спас Евгения от отправки в окопы³.

В 1923 году двое бывших колчаковцев возобновили своё общение в Москве, и оно не прекращалось вплоть до смерти Яна (1954). Здесь следует напомнить, что первая встреча с «духом» великого кагана произошла у писателя значительно раньше — в новогоднюю ночь с 1903 на 1904 год, когда Ян путешествовал по персидской пустыне Дешти-Лут. Тогда он увидел Чингисхана во сне и, подобно Иакову, даже боролся с ним. Позднее Василий Григорьевич расскажет об этом в мемуарах. Облик хана и поза, в которой тот сидел, были собственноручно запечатлены писателем на бумаге и в повести.

В ночь на 1 марта 1935 года Чингис явился Яну вторично. Подробности данной «встречи» неизвестны. Однако именно после неё Ян обращается к Спасскому за помощью в полноценной «реанимации» Чингисхана.

Хотя Евгений Спасский был на четверть века моложе Яна, он успел развить в себе «духовное зрение». Речь идёт о разработанной им способности, позволявшей удерживать и запоминать мельчайшие детали спонтанно возникающих в сознании образов⁴. «Правда, только правда должна руководить человеком, работающим в области искусства, — говорил Евгений Дмитриевич. — Как добывается эта правда в наши дни? Трудно до боли. Только терпение, доверие и упорство — настойчивость. Да, надо набраться громадного терпения, смирения и глубокой веры. Много, много раз обращаться и всё время проверять и контролировать себя, чтобы не примешалось что-либо чуждое, лживое... Только сильная вера и настойчивость отводят помехи. Нельзя спешить в работе. Медленно, шаг за шагом, бесконечно проверяя, с любовью и полной самоотдачей, в полной тишине погружаясь, мы приходим к истине»⁵.

Как отмечает биограф Спасского А. Р. Ефименко, в период работы над «Чингиз-ханом» художник особенно часто гостил в семье Янчевецких. Вероятно, Василий Григорьевич

посвятил Спасского в большинство замыслов, касающихся монгольской темы, а тому требовалось некоторое время для вживания в неё.

Результатом сотрудничества стали четыре портрета Чингисхана, а затем — Бату-хана, Субэдэя и Александра Невского, написанные в период 1938–1946 годов. По разным причинам эти работы не были опубликованы в книгах Яна, однако роль, которую они сыграли, трудно переоценить. Достаточно сказать, что основной акварельный портрет Чингисхана кисти Спасского всегда сопровождал Василия Григорьевича на его рабочем столе, писатель даже вывез его с собой в эвакуацию в Ташкент.

Первые два портрета написаны тушью и стилизованы под китайскую гравюру с изображением Чингисхана, напечатанную на титульном листе первого издания повести. Спасский отказывается от полной фигуры, сосредоточившись на лице хана, которое увеличивает сравнительно с гравюрой и разворачивает фронтально к зрителю. Теперь тот может заглянуть в глаза великого кагана, испытать толику того, что чувствовали люди, лоя его мимолётный, но предельно намагнетизированный взгляд. Эти рисунки соотносятся со свидетельством персидского историка аль-Джувзджани, называвшего глаза Чингиса «кошачьими» (оно поставлено эпитафией к пятой главе повести). В выражении лица хана нет ничего напыщенного, однако оно излучает такую властную силу, которой трудно не подчиниться.

Акварельные работы углубляют образ. «Кропотливая работа над изучением материалов о жизни и деятельности Чингисхана имела одну цель: установить возможно точнее несомненные ориентиры, отправные точки, на которых можно было бы базироваться... Каким образом один человек может объединять массы, направлять их согласно своим планам на завоевания, на походы, на смерть? Были или не были у этого «бича божия на земле» какие-то тёплые, человеческие, положительные черты?» — позднее писал Ян⁶. «Хотя ему уже больше шестидесяти лет, он ещё очень силён, — отзываясь о хане посол из повести. — Тяжёлыми шагами и неуклюжими хватками он похож на медведя,

³ См. подробнее: Евгений Спасский. М., 2021. — С. 39, 42–44, 73–74, 346–349; Просветов И. В. Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградил Сталин. М., 2017. — С. 133–134, 183.

⁴ Евгений Спасский. — С. 138–144.

⁵ Е. Д. Спасский: «Прислушиваться к голосу эпохи...»: Из духовного наследия мастера. // Наука и религия. 2020, № 8. — С. 36–37.

⁶ Цит. по: Просветов. Указ. соч. — С. 206.

хитростью — на лисицу, злобой — на змею, стремительностью — на барса, неутомимостью — на верблюда, а щедростью к тем, кого он хочет наградить, — на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и жёлтые немигающие глаза».

Всё это и ещё многое другое, чего полностью не передашь словами, отображено на портрете Спасского: непредсказуемость, какая-то тайна вкуче с железной уверенностью; и тут же — испытующая, отеческая, незлая насмешливость.

Да, разумеется, Чингисхана повести Яна трудно счесть положительным персонажем, но вот величие его на фоне прочих правителей, обуянных страстями и ослеплённых амбициями, показано убедительно. Недаром академику Сергею Козину, на труды которого опирался Василий Григорьевич, в 1951 году предъявили обвинение в попытке возродить культ Чингисхана.

ЗАВОЕВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИНКОРПОРАЦИЮ

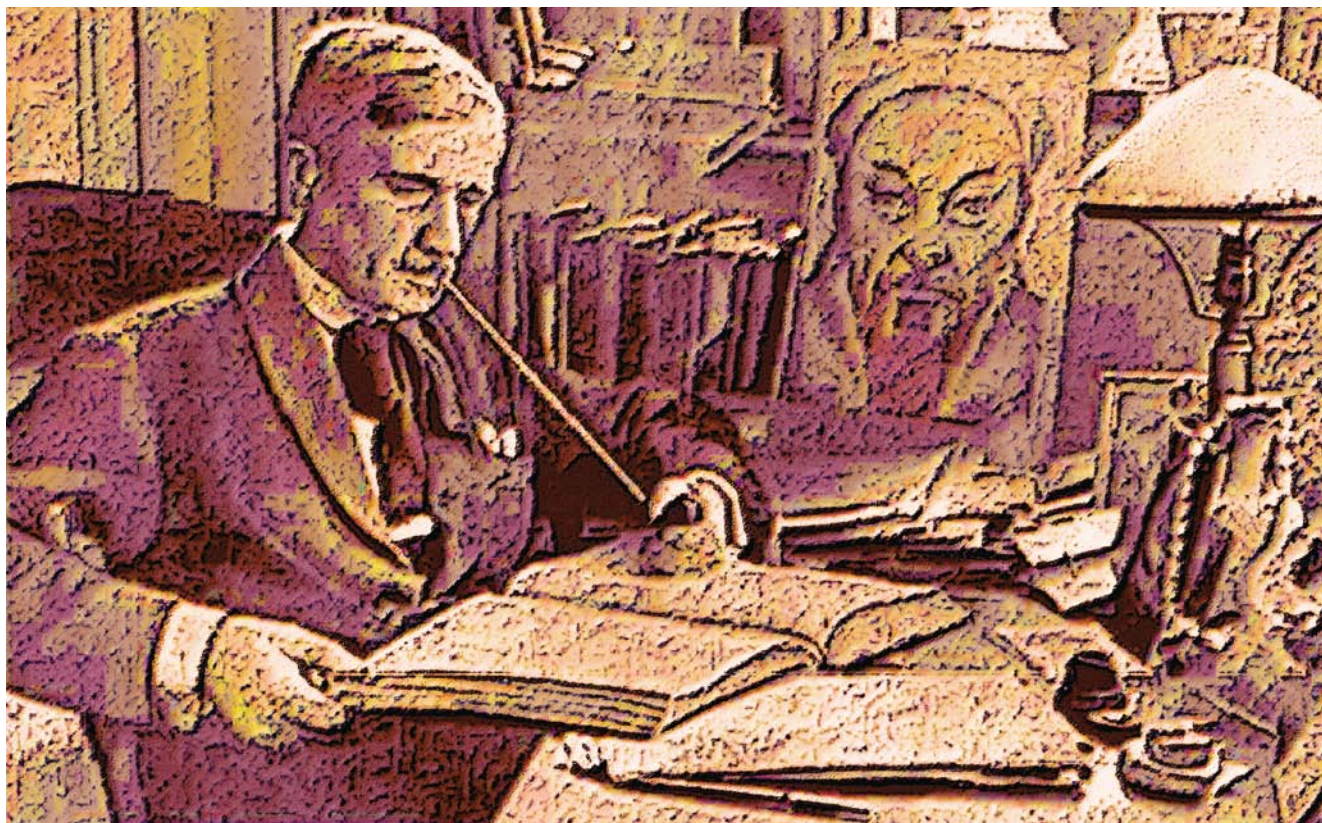
Художественные свидетельства Яна и Спасского вдвойне ценны, поскольку возникли в среде, где доминировал отрицательный образ Чин-

гисхана. Несмотря на идеологизированность современной им культуры, эти мастера постарались увидеть образ великого хана в вечности.

Посыл принёс свои плоды не только в отечественной культуре. «Чингиз-хана» перевели на европейские языки, и его новаторский образ мгновенно превратился в канон. Несмотря на все искажения, следы яновско-спасского Чингиса проступают даже в упоминавшемся романе Кларка и Бакстера.

Интересно также, что Ян и Спасский оба не миновали интереса к Александру Македонскому. Ян впервые коснулся этой темы в повести «Огни на курганах» (1932) в связи со скифским сопротивлением греко-персидской экспансии⁷. Он мечтал изобразить Александра в масштабной эпопее, но так и не успел.

Отдавая долг памяти ушедшему товарищу, Евгений Дмитриевич на склоне лет создаёт впечатляющий портрет Александра (1978). Он синтезирует античную иконографию с символизмом основателя мирового царства эллинов по Библии. На картине Спасского золотистые космы Александра-космократора переходят в козлиные рога из пророчества Даниила (Дан. 8:5-9). Художник подчёркивает неоднознач-

⁷ Цит. по: Просветов. Указ. соч. — С. 206.

ность «мироправителя», ведь апостол Павел причисляет мироправителей к «тьме века сего» (Еф. 6:12).

Впрочем, сотрудничество Яна со Спасским не исчерпывается образами завоевателей. Обращаясь то к Александру, то к Чингису, писатель не чувствовал историософской завершённости. Он искал фигуру, которая могла бы совместить достоинства обоих властителей, но минимизировать присущие им изъяны.

Наконец такая фигура была найдена. В ответ на предложение Яна заняться воплощением «новых героев» Спасский отвечает ему в августе 45-го: «Я бы с удовольствием сделал для Вас портреты, но для этого надо бы подробнее побеседовать с Вами, чтобы и у меня в душе эти образы ожили и стали созвучны Вашему пониманию». Спасский подразумевал прежде всего Александра Невского, который уже несколько лет занимал сердце Василия Григорьевича.

Писателя не удовлетворяла ни бравурная кинотрактовка Александра Невского Сергеем Эйзенштейном, ни его вульгарное искажение в «Ратоборцах» Алексея Югова. Последний превратил биографию князя в сплошное фэнтези, где тот, демонстрируя лояльность Орде, втайне инспирирует бунты против «поганых».

Ян совершенно верно угадал в Александре Невском сочетание европейской доблести и восточных приёмов управления. В принципе, именно так он воспринимался в новгородской летописи, повествующей «о великом князе нашем Александре, об умном и кротком и смысленном, о храбром, тезоименитом царю Александру Македонскому, подобном царю Ахиллосу крепкому и храброму... которому Бог дал премудрость Соломонову»⁸. Обращение же Александра Ярославича на Восток Ян считал обдуманым и оправданным выбором.

Ему хотелось показать путь князя с самого начала. Так появилась повесть «Юность полководца», для которой Спасский выполнил свой портрет в смешанной технике (1946). Конская голова рядом с князем оттеняет его молодость, поскольку именно конь в традиционной культуре олицетворял нерастратенную витальность. Князь ещё не оседлал коня, ещё ведёт его на поводу. Голова животного возвышается над княжеской как величественное грядущее.

Глаза Александра тоже принципиально отличаются от глаз монгольских правителей: они

не гипнотизируют, но открыто притягивают, смиряют, не унижают, а соразмеряют, буквально тянут, поднимая зрителя к себе. Запрокинутая вбок голова князя словно спрашивает: «Ну а тебе не слабо?»

«Дружинники Александра, не раз уже побывавшие в кровавых, опасных схватках в литовских лесах и уже томившиеся без воинского дела, сразу зашевелились и принялись точить мечи и готовить оружие с того часа, как пришла весть о предстоящем походе. Они с удивлением посматривали на юного князя. — Радостен и светел лик его! — говорили они. — Нашёл он опять свою любимую потеху. С ним весело в поход двинуться. Скоро начнём лихих недругов трепать» («Юность полководца»).

К сожалению, Василию Яну не удалось довести свой замысел, однако он, единственный среди советских писателей своего времени, вычленил наиболее актуальные вибрации, скрывающиеся за образом Александра Невского.

Исторически сформировавшаяся глобальная дихотомия Темучжин Чингисхан — Александр Македонский может быть разрешена только с помощью третьей неотмирной силы, которую воплотил в себе русский князь. Это было понято на уровне интуиции новгородскими книжниками, а затем периодически осмысливалось в кардинальные моменты отечественной истории.

Святой Александр Ярославич был канонизирован в 1547 году, в год венчания на царство Ивана Васильевича IV. Его мощи торжественно перенесли в новую столицу России, сделав их главной святыней империи. Культ Александра Невского стал общенародным и надконфессиональным в годы Великой Отечественной войны, внеся бесценный вклад в победу над врагом.

Не занимаясь масштабными завоеваниями, Александр наметил путь легитимации русских княжеств внутри Золотой Орды, инкорпорируя их в неё. Прежние княжества потеряли былую автономию, которой они всё равно не могли бы воспользоваться, даже при западной ориентации. Зато стали «закваской» нового постордынского царства, сообщив своё качество всем его частям. Это была власть через подчинение, нечто принципиально новое, но естественно растущее и заставляющее считаться с собой ничем ранее не ограниченную экспансию Александра и Чингиса.

⁸ Софийская Первая летопись. // ПСРЛ. СПб., 1851. — С.176.